

DOI 10.47309/2713-2358_2021_1_110

УДК 316.4

JEL I 28

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
В НОВООБРАЗОВАННЫХ ОБЩЕСТВАХ**

(на примере России и Северной Америки XVII-XVIII веков)

Зинуров Рафаил Нариманович

Представительство Российской академии наук в Республике Башкортостан,
Уфа, Россия

**RETROSPECTIVE ASPECTS OF THE EMERGENCE OF CONFLICTS
IN NEWLY FORMED SOCIETIES**

(On the example of Russia and North America of the 17th-18th centuries).

Zinurov Rafail Narimanovich

Representative Office of the Russian Academy of Sciences in the Republic of
Bashkortostan, Ufa, Russia

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению причин и условий зарождения социальных конфликтов в сложных, новообразованных обществах. Современные научные положения конфликтологии, автор в ретроспективном аспекте соотносит с процессом зарождения и развития конфликтов в период освоения Российским государством Башкирии и Сибири, и Англией Северной Америки в XVII-XVIII веках. Неизбежность конфликтов, в обоих случаях автор относит к противоречиям социально-экономического характера и правового статуса различных групп населения в этих обществах. При этом по мысли автора, основной причиной в обоих случаях являлся правовой статус осваиваемых территорий обществ. Переселенцы, в этих новых для названных государств землях, были не в состоянии адекватно воспринимать статус общинного землевладения аборигенов на основе решений правительств. Раскол элит, неконтролируемость потока переселенцев, в обоих случаях ускоряли, обостряли и способствовали еще большей радикализации конфликтов. Все эти обстоятельства существенно повлияли на процесс темпы интеграции этих обществ в государственные системы названных стран.

Ключевые слова: конфликты, социальная несовместимость, вотчины, общинное землевладение, переселенцы, перераспределение ценностей, радикализация, восстания.

Summary: The article is devoted to the consideration of the causes and conditions of the emergence of social conflicts in complex, newly formed societies. In retrospect, the author correlates the modern scientific provisions of conflict management with the process of the origin and development of conflicts during the period of the Russian state's development of Bashkiria and Siberia, and England of North America in the

17th-18th centuries. The inevitability of conflicts, in both cases, the author refers to the contradictions of the socio-economic nature and the legal status of various groups of the population in these societies. At the same time, according to the author, the main reason in both cases was the legal status of the developed territories of the societies. The settlers, in these new lands for the named states, were not able to adequately perceive the status of communal land tenure of the aborigines on the basis of government decisions. The split of the elites, the uncontrollable flow of immigrants, in both cases, accelerated, exacerbated and contributed to the further radicalization of conflicts. All these circumstances significantly influenced the process of the pace of integration of these societies into the state systems of these countries.

Key words: conflicts, social incompatibility, fiefdoms, communal land tenure, migrants, redistribution of values, radicalization, uprisings.

Причинам возникновения конфликтов в современном обществе, посвящено множество научных публикаций. Причем их авторы представляют различные отрасли научного знания. Но все же конфликт в большей мере образует предмет исследовательского интереса юристов, политологов, социологов.

Высокая актуальность проблемы конфликтов на всех уровнях организации общества, многофакторность их детерминации латентность и одновременно многообразие форм и разность остроты проявления, разновекторность протекания и последствий и т. п. обусловили формирование отдельной отрасли научного знания – конфликтологии, что расширило методологические возможности межпредметного анализа конфликтов, способствовало усилению практикоориентированности формулируемых в феномен социального конфликта и его современную природу необходимо осмысливать и с историко-правовых позиций. Ведь хорошо известно, что корни сегодняшнего следует искать в прошлом.

Вопрос о природе, причинах и факторах возникновения социальных конфликтов, а также формах их протекания, представляется чрезвычайно важным и в ретроспективном аспекте. В этом плане безусловный интерес представляют примеры зарождения конфликтов в сложных, новообразованных сообществах прошлых веков, с постепенным перерастанием их в крайние радикальные формы.

В качестве примера могут быть рассмотрены периоды освоения просторов Урала и Сибири Российским государством, и Англией, (а позже всей Европой), Северной Америки, переселенцами из регионов этих стран. Но конфликтологии как науки, XVII-XVIII веках не существовало, поэтому, на наш взгляд, мы вправе рассматривать ситуации этого периода в названных регионах мира, с позиций современной социальной конфликтологии.

Стремление выжить в любых условиях и различных общественно-

экономических формациях, человеку были присущи во все времена. Поэтому общества, сложившиеся в названных странах в период начала их освоения Россией и Англией, в результате контактов переселенцев и местных жителей, конечно же не являлись исключениями.

Возникновение противоречий и конфликтов, в новообразованных обществах России и Северной Америки были неизбежны, как результат «социальной несовместимости» между различными по правовому статусу группами населения. Поэтому, нельзя не согласиться с точкой зрения о том, что «социальная несовместимость» в первую очередь проявляется в несовпадении убеждений, мировоззрения, различиях в социальном статусе и принадлежности групп населения [Конфликтология, 2015, с. 26].

В статье мы рассмотрим, как в обоих упомянутых выше обширных географических регионах, социальные конфликты зарождались и развивались как объективно обусловленные противоречия между различными по социальному статусу группами населения, Заметим, что социальный статус личности, (или определенной группы в обществе), современная наука рассматривает как общее положение в обществе, связанное с определенной совокупностью прав и обязанностей.

В связи с обширностью темы, ограничимся выделением наиболее важных противоречий, в обоих случаях обусловивших острые предконфликтные и конфликтные ситуации,

Покорив Казань и продвигаясь дальше на восток, русское общество, начало освоение, по его мнению, «диких и пустынных земель». Население Волго-Уральского региона, в частности, мордва, мари, башкиры и другие, которых русский историк С. М. Соловьев именовал «луговыми людьми», устоявшееся русское общество было не в состоянии адекватно воспринять [Соловьев, 1993, с. 489]. Противоречивость интересов этих двух миров была предопределена самой сущностью социально-экономических отношений столкнувшихся систем.

Во-первых, вотчинные права на родоплеменные территории, дарованные царем жалованными грамотами башкирским племенам, уже сами по себе, предполагали неминуемые социально-экономические конфликты как между башкирским обществом и новой властью, так и переселенцами.

Во-вторых, как писал А.П.Чулошников, суть дела была в том что, никогда не поступавшаяся своими правами верховного собственника всех завоеванных земель, Русское государство вряд ли отказалось от них в данном случае [Чулошников, 1936, с. 23].

В-третьих, эти грамоты царя, на право владения башкирами своими землями, в силу очевидного неравенства сторон при принятии башкирами русского подданства, для переселенцев и чиновников изначально не являлись официальными документами, имеющими юридическую силу царских указов.

Для неконтролируемого потока переселенцев, которые были обязаны

заключать договора на покупку или аренду земель в башкирских вотчинах, вотчинные права башкир являлись первым и чрезвычайно досадным социально-правовым препятствием для свободного землепользования. Именно социальное неравенство, которое мы назвали социально-правовым, (т.е. зависимость переселенцев от положений Жалованных грамот о неприкосновенности вотчин), стала порождать конфликты между ними.

Уровень притязаний со стороны представителей царской власти и переселенцев на перераспределение материальных ценностей, (в виде башкирских вотчинных земель), закономерно повышался. Со стороны новой администрации это диктовалось объективным стремлением упрочить свой управленческий статус, а переселенцев, любыми путями получить наделы или же расширить их. Создалась та социальная обстановка, которую в конфликтологии принято называть предконфликтной ситуацией или латентным периодом возникновения и развития конфликта. Само понятие предконфликтной ситуации, конфликтологи рассматривают как рост напряженности в отношениях между потенциальными субъектами конфликта, когда происходит консолидация противоборствующих сторон вызванной определенными противоречиями [Хохлов, 2014, с. 126].

Возникает вопрос – если бы царь не наделил башкир вотчинным правом, может и не было бы у них конфликтов с новой русской властью и переселенцами? Мы считаем здесь этот вопрос излишним. Безусловно, был прав М. К. Любавский, считавший, что царь принял самое оптимальное решение в той ситуации - до укрепления своих позиций в этом не освоенном крае, он просто решил держать в отношении башкир «ласку», поскольку еще не располагал материальными возможностями для освоения этих земель [Любавский, 1996, с. 494].

С другой стороны, в этом плане нельзя не учесть и точку зрения С. М. Соловьева, почему-то не принимаемую во внимание историками и социологами. Он писал про возросший агрессивный военный дух русского общества, вызванный покорением Казани. По его мнению, завоевание Казанского царства было подвигом священным в глазах каждого русского человека и вызвало в целой массе народонаселения такое сочувствие, какое не могли возбудить позже ни Северная война, ни Полтавская битва [Соловьев, 1993, с. 486-487].

Таким образом, не располагая в ту пору собственными возможностями для освоения и содержания этих земель, Русское государство лишь позволило башкирскому обществу и впредь продолжать пользоваться ими. В этом заключался основной юридический смысл жалованных грамот. Это обстоятельство мы считаем возможным рассматривать как причина и корень всех последующих конфликтов в крае, как правило принимавших крайние радикальные формы в виде башкирских восстаний.

Для неконтролируемого потока переселенцев, иной, не воспринимаемый ими в их понятии «привилегированный» социальный статус башкир, быстро стал

превращаться в досадное препятствие для свободного землепользования. Поэтому, конфликты здесь стали зарождаться не как этнические, а в первую очередь как социально-экономические. В этой связи, видимо прав академик В.А. Тишков, считая, что этнических конфликтов в чистом виде не существует. Можно говорить лишь о смешанных конфликтах [Конфликтология, 2015, с. 91].

Действительно, применительно к нашей теме, мы не можем говорить об этнической или расовой враждебности между переселенцами и башкирами. Конфликты, здесь, в основном имели экономическую зависимость переселенцев от вотчинников, связанной, как уже отмечалось выше, с правовым статусом башкир на их вотчины согласно жалованных грамот царя. Исходя из этого посыла, следует согласиться с мнением о том, что «понимание или непонимание справедливости (несправедливости), выступало обоснованием позиций» сторон в начавшихся конфликтах [Конфликтология, 2015, с. 35].

Согласно юридическому смыслу жалованных грамот, содержанию самых ранних башкирских шежере, и всех последующих царских указов относительно башкир, верховным и единоличным собственником башкирских земель являлось русское государство в лице царя. В этом плане последующие систематические нарушения Москвой вотчинных прав башкир, условий принятия ими русского подданства, как уже отмечалось выше, вовсе не выглядели вероломными. С точки зрения централизованного государства, находящегося в разгаре территориального расширения, они выглядели вполне логичными и последовательными.

Итак, само вотчинное право, дарованное башкирам царем, изначально содержало в себе причины последующих непримиримых противостояний между различными по правовому статусу группами населения. Это закономерно выражалось в непрерывных социальных конфликтах, приведших к башкирским восстаниям XVII-XVIII веков. Таким образом, конфликты периодически достигали крайних радикальных форм. Подавление их, каждый раз достигалось с огромными издержками.

Кроме того, уже после первых башкирских восстаний, из-за их размаха, опасности «отложения» башкир из русского подданства, их возможного союза с казахским, каракалпакским или крымским ханами, турецким султаном, царское правительство было вынуждено исподволь поддерживать вотчинный статус башкирских земель, стремясь держать с ними «ласку». Поэтому, издавая приказы о запрете самовольного поселения в башкирских вотчинах, правительство пыталось избежать конфликтов, ведущих к восстаниям и представлявшим реальную угрозу для юго-восточной политики государства. Так, по челобитным башкир, правительство неоднократно издавало «Оберегательные грамоты об ограждении прав башкир и о запрещении отдавать их земли и уголья русским пришлым людям в оброк, в тягло и в службу». В частности это Грамоты от мая 1692 и сентября 1694 годов [Материалы по истории БАССР, 1936, с. 83-84].

Почти аналогично обстояли дела и в английских колониях в Северной

Америке, где также в первую очередь сказалось огромное различие столкнувшихся этно-социальных систем [Три века..., 1992, с. 27].

Первое, что мы должны отметить в этом плане, это тот факт, что как и у неведомых им башкир, у индейцев северо-востока Северной Америки была общинная собственность на свои племенные территории. Однако было и существенное различие. Сакральность этих земель, по мнению американского этнографа Арчи МакНикла, была намного выше их общинной значимости [D`Arcy McNickle, 1973, p. 31-32].

Но теперь верховным собственником всех этих территорий, уже являлся английский король. И по мере обострения конфликтов на почве участившихся нарушений договоров о продаже земли белым людям, ситуация здесь во многом напоминала, и можно сказать даже, повторялась почти по аналогии с российской в отношениях с башкирским обществом. От имени короля, в частности Декларацией короля Георга III от 07.10.1763 года, здесь также пытались запретить свободное поселение на индейских землях. Но в то же время, как отмечал американский историк Вайн-Делория Младший, «...заключение договоров стало определяющим правовые и политические отношения между индейцами и европейскими колонистами» [Vine Deloria Jr., 1983, p. 3].

Таким образом, как справедливо отмечал историк XIX века Э. Лабулэ, колонист лишь покупал у индейцев право пользования землей, которая принадлежала королевской власти Англии [Лабулэ, 1870, с. 52-53].

Это обстоятельство нам остается лишь дополнить мыслью о том, что власти колоний здесь преследовали ту же двойную цель как и их коллеги в неведомой им Башкирии: избежать конфликтов, и в то же время охраняя земли аборигенов, ограждать монопольное право английской метрополии на эти новые земли.

По мнению названного выше индейского историка Вайн Делория-Младшего, в ранний период американской истории белое сообщество осознавало, что нужно уживаться с индейцами. «Люди верили, что за короткое время индейцы будут ассимилированы в белую культуру и станут христианами в европейских традициях. Однако, спустя короткое время после основания первых поселений, отношения между двумя сообществами уже развивались в атмосфере враждебности, потому что слишком широка была пропасть между их культурами» [Vine Deloria Jr., 1983, p. 6].

Итак, все североамериканские колонии на индейских землях возникли как британские заморские территории, верховным собственником которых являлся английский король [История США, 1983, с. 18-48]. «Первые королевские дарственные грамоты на землю в Новом Свете, - писал У. З. Фостер, - даже не содержали упоминаний о коренном населении, жившем на этой земле, словно речь шла о совершенно необитаемых пространствах» [Фостер, 1953, с. 63].

В первое время, так же, как и в Башкирии, активность в освоении этих земель и агрессивность в отношении индейцев были невозможны - слишком

слабы были позиции колонистов, королевская власть здесь еще не была обеспечена мощью разветвленного государственного аппарата. В силу этого поселенцы первых колоний, также объективно стремились договориться с индейцами о мирных уступках им небольших по площади территорий. По мере усиления колоний, английские, французские и другие колонисты, в лице, как рядовых членов, так и королевских чиновников, подобно их русским «коллегам», в основном стали исходить из того, что раз земля принадлежит английскому королю, то индейцы не имеют законного права на нее.

Как отмечал Арчи Макникл, у колонистов были две задачи: приобрести индейские земли, а также отстоять и расширить эти территории [D`Arcy McNickle, 1973, p. 31]. (Стоит ли напоминать, что переселенцы в Башкирию из российских губерний, интуитивно преследовали те же задачи, поскольку иное не могло обеспечивать их выживаемость).

Надо отметить и другие обстоятельства, весьма разные по сути, но в обоих случаях способствовавшие к зарождению конфликтов. Так переселенцы в Башкирию – это в основном мирные крестьяне, привыкшие к тяжелому труду на пашне, стремящиеся любыми путями получить или расширить свои наделы. Это в конечном счете порождало неизбежные конфликты, ведь свободных ничейных территорий, свободных от общинного владения, не было.

Английские колонисты на начальной стадии, в условиях уравниловки и общинной жизни, когда личная выгода была минимальной, особо не хотели трудиться, как писал Э.Лабулэ, «...боясь, что его излишний труд не поощрил бы лени и праздности соседа» [Лабулэ, 1870, с. 71-72]. В силу этого недостающие продукты они отбирали силой у индейцев, что последних провоцировало на ответные меры насилия.

«Сбродное» население первых колоний, бывшее у себя на родине на низших ступенях социальной лестницы, здесь вдруг себя осознали людьми с большими возможностями. Здесь они были на несколько ступеней выше – ниже них были индейцы, (чуть позже, с 1618 года и негры-рабы).

Стремление как можно быстрее подняться по социальной лестнице, естественным образом порождало у них нетерпимость к индейцам. Как и земельный статус вотчинников-башкир, для переселенцев на их земли, общинный статус индейских земель, к тому огражденный указом короля, ими воспринимался лишь как досадное препятствие на пути к желанному обогащению.

В этой связи мы вправе соотнести изложенное выше, с тезисом современной конфликтологии о том, что «наиболее конфликтогенными являются регионы с высокой долей миграционного населения» [Конфликтология, 2015, с. 96].

Хотя современная действительность несопоставима названным историческим периодом, очевидно, что и в наши дни, стремления современных мигрантов в Россию, Европу и за океан, примерно те же, что в те далекие века –

любыми путями закрепить, приобрести собственность, начать свое «дело» и т. д., поскольку, инстинкт выживания в иной среде, естественная природа человека.

Мы вправе полагать, что подобно жалованным грамотам царя башкирам и грамотам приказа Казанского дворца, ограждающим эти вотчины, договоры на покупку индейских земель, и последующий указ английского короля, ограждающий индейские земли, лишь на время отсрочили начало уже постепенно зреющих непримиримых конфликтов. В обоих случаях они изначально содержали в себе острое тройное противоречие - переселенцев, метрополии и аборигенов, наивно пытавшихся отстоять неприкосновенность своих территорий, ссылаясь на договора. Кроме того, и в первом, и втором случае, это было началом постоянного процесса, который мы можем условно назвать «цепной реакцией».

Действительно, как считал американский этнограф Т.Дж. К. Брассер, индейцы не могли предполагать, что белые постепенно будут требовать полного владения землей [Брассер, 1978, с. 375]. Ситуация в башкирских вотчинах отличалась тем, что договора на продажу или аренду вотчин, как правило влекли аналогичные договора. Этому в большей степени способствовал начавшийся уже задолго до этого раскол в их обществе. Появились как «верные башкиры», подкупленные старшины и лояльные тарханы, так и их непримиримые противники. Обращения к губернатору и даже в Сенат по сути жалованных грамот царя середины XVI века, в силу юридической неравноправности сторон, как правило давали лишь единичные результаты.

Таким образом, в обоих случаях этот «мирный этап» объективно и закономерно перешел к заранее predetermined началу этапа острых социальных конфликтов. Немаловажно, что в обоих случаях они имели правовую привязку – договора о статусе их землевладения.

Однако мы должны указать здесь на наш взгляд важное отличие – о какой-либо этнической, расовой массовой нетерпимости русского и другого пришлого населения, относительно башкир, в источниках не встречается. Но, этого нельзя утверждать в отношении индейцев и белого пришлого населения, как на начальном, так и последующих этапах контактов.

Относительно понятия этнического конфликта, нам следует сделать оговорку. Надо признать правоту точки зрения, высказанной в современной конфликтологии. На бытовом уровне, т. е. межличностных отношениях, этнический конфликт — это неприязнь к представителям определенного этноса. В результате длительного противостояния, вне зависимости от его причин, такая неприязнь у конфликтующих сторон по отношению к друг другу приобретает массовый характер [Конфликтология, 2015, с. 94]. История освоения Северной Америки изобилует подобными фактами. В российской истории освоения новых территорий, это явление не приобрело массового характера, хотя некоторые случаи, на наш взгляд, нельзя исключать.

Между тем, началу конфликтов способствовали и другие не менее

важные обстоятельства, притом сугубо социального плана.

Как указывал еще в 1915 году уфимский историк В.Филоненко, в Башкирию, на начальном этапе ее колонизации, в лице простых крестьян-трудяг, приезжали сильные, предприимчивые, а робкие и недеятельные оставались в России [Филоненко, 1915, с. 42, 46]. Как нам представляется, данное обстоятельство во многом обуславливало активность и неконтролируемость стихийной колонизации края. Такой контингент поселенцев весьма неохотно признавал свою зависимость от башкирской общины в виде договоров с ней, и в первую очередь в материальном плане, ведь кроме тех, кому удавалось купить землю, иные платили оброк за аренду. И вполне естественно, что при первом же удобном случае, желая улучшить свое материальное положение, они стремились расширить свои наделы.

Даже если считать, что упомянутый автор В.Филоненко не прав, безусловно, важно другое: создать хозяйство, получив на это право у ревниво оберегающих свои вотчины башкир, (что было поначалу весьма сложно), действительно могли лишь сильные и наиболее предприимчивые крестьяне.

Кроме того, напомним, что в числе переселенцев, помимо служилых людей, по выражению В.Филоненко, большей частью были «бродяги и сброд». Московское государство, как отмечал М.К.Любавский, при своей бедности людьми не могло организованно выделить для освоения Башкирии значительного количества русских переселенцев, тем более что одновременно ему приходилось колонизировать и степную Украину, и Поволжье, и Сибирь. Это обстоятельство, способствовало вольной, неконтролируемой крестьянской колонизации края [Любавский, 1996, с. 493-494].

Поэтому эти вольные переселенцы вовсе не были заинтересованы в поддержке политики российского государства, направленной на первых порах на оберегание вотчинных прав башкир. Это обстоятельство также изначально являлось источником постоянных и все увеличивающихся в масштабах конфликтов башкир-вотчинников с переселенцами – в их представлении «захватчиками» их вотчин.

История североамериканских колоний содержит почти аналогичные факты. Русский историк А. В. Бабин относительно состава первопоселенцев отмечал, что «более порядочная часть английского общества не спешила в неведомые страны: туда приходилось брать всякий сброд, искателей приключений и легкой наживы, людей не способных и не привыкших к настойчивому труду» [Бабин, 2012, с. 18-19]. Именно из-за поведения последних отношение индейцев к белым скоро изменилось. Далее, он справедливо подмечал, что отношения такого рода колонистов к индейцам никогда не имели характера взаимной симпатии или уважения, так как те занимали земли, им не принадлежащие [Бабин, 2012, с. 33].

На подобные отношения к индейцам первых поселенцев из числа уголовников, воров и бродяг особо указывал и другой историк XIX века

К.Ф.Нейманн, отмечая, что бесчинства по отношению к аборигенам в основном чинились именно таким контингентом [Нейманн, 1866, с. 12, 87].

Таким образом, относительно социального состава переселенцев как в обширную Башкирию и дальше в Сибирь, так и на просторы Северной Америки мы вправе сделать очень важный вывод. В обоих случаях он заключался в особом положении свободного переселенческого населения. Будучи эксплуатируемым по отношению к государству (Башкирия) и феодальным собственникам земли (английские колонии), оно одновременно являлось как бы агрессором и захватчиком земель коренного населения - башкир (и некоторых народов Поволжья и Сибири) и индейцев. Именно это обстоятельство русскому и английскому правительствам, в последующем позволяло с легкостью использовать этот контингент, который мы предлагаем назвать «высоко конфликтогенным», при подавлении восстаний башкир и народов Поволжья, а также индейцев в период «индейских войн» в Северной Америке.

Нельзя упускать из виду и другой, не менее важный социальный аспект. Важная причина зарождения поначалу не столь острых конфликтов, заключалась внутри этих обществ. В частности, если в период вынужденного принятия русского подданства родоплеменной верхушкой башкирского общества, последняя выступала в относительном единстве со всеми и в какой-то степени являлась выразителем интересов народа, формально выступая от его имени, то в последующем картина стала меняться.

Прежде всего, процесс постепенного раскола башкирского общества, к концу XVII и в большей степени к началу XVIII века, принял вид открытого противостояния как в среде самой верхушки, так и в низах общества. Так, по сведениям А.П.Чулошникова, постепенно стали возникать группы знати: наследственные тарханы и новые тарханы, порожденные царской администрацией, ставшие наиболее действенными проводниками влияния метрополии в Башкирии [Чулошников, 1936, с. 23]. Данное важное замечание можно дополнить и следующим обстоятельством. Представляется, что отношения между первой группой, стремящейся сохранить свою независимость от новых властей и влияние на подвластных им рядовых башкир, и второй - «молодой» знатью, лояльной к властям, заинтересованной умерить влияние и независимость «старой» знати, не могли быть бесконфликтными.

Вполне очевидно, что последнее обстоятельство как нельзя лучше отвечало политическим интересам царской администрации на местах, которая стремилась усугубить эти противоречия, выгоднее их использовать. Это отчетливо проявилось уже в ходе первых башкирских восстаний.

Однако более важным представляется то обстоятельство, что раскол «верхушки» общества отражался и на рядовых башкирах, подвластных «старой» и «новой» знати. Примечательно, что именно исходя из подобных обстоятельств А.П.Чулошников отмечал, что в ходе башкирских восстаний можно было

наблюдать подлинную гражданскую войну.

Но справедливости ради укажем, что лояльные тарханы и соответственно подвластные им башкиры все же были в меньшинстве, что однако не влияло на остроту конфликтов, так как в ходе восстаний «верные башкиры», как правило, отождествлялись с самой русской администрацией.

Здесь мы вправе задаться вопросом: можно ли назвать раскол башкирского общества названного периода политическим конфликтом? Очевидно, что нет. Согласно понятиям современной конфликтологии, при политическом конфликте, лидеры меньшинства стремятся к большей политической власти, подвергая сомнению легитимность существующей системы государства, (общества) [Конфликтология, 2015, с. 91]. С этим несколько упрощенным, на наш взгляд, определением, можно все же согласиться. Столкновения и противоречия в башкирском обществе, даже в 1738-1740 годах, когда отдельными представителями элиты велась речь об отказе от российского подданства, все же в основном имели лишь социальную-экономическую подоплеку в виде сути вотчинных прав, злоупотреблений чиновников и т. д.

В то же время, относительно раскола в башкирском обществе периода восстаний XVIII века, мы можем вести речь о некоторых признаках этнополитического характера. Это осознание всеми участниками своего национального статуса, сопоставление ими своего статуса со статусом других общностей, (русской администрации, групп переселенцев), и даже со своим прежним статусом, формирование отношения к ним. По мнению ряда конфликтологов, именно в этот период, на почве недовольства собственным национальным статусом, решается вопрос о политизации своего социального статуса в целях борьбы за власть. При этом авторы особо подчеркивают, что недовольство своим национальным статусом актуализирует историческую память, стереотипы давней национальной борьбы [Хохлов, 2014, с. 170] .

Раскол общества, но гораздо быстрее и с более катастрофическими последствиями произошел и среди индейских племен северо-востока Северной Америки. Так, Г.Хикерсон отмечает, что несмотря на сильное и постоянно растущее давление белой цивилизации индейцы стремились сохранить свою социальную и политическую автономию. Однако сам вопрос о степени автономии постепенно стал предметом спора. Последнее обстоятельство, по мнению названного автора, подготовило почву для возникновения фракций, противостоящих друг другу относительно уступки земель и степени самостоятельности от белых [Хикерсон, 1978, с. 159] .

Из данных, приведенных Г.Хикерсоном, мы можем сделать вывод о том, что в среде индейских вождей, как и в среде башкирской знати, возникли две группы: лояльные к пришельцам, выступающие за уступки территорий, и с другой стороны, непримиримые к притязаниям белых. Это во много раз обострило и повысило степень конфликтности не только в их обществах, но и в

отношениях с властями и переселенцами.

Очевидно, что подобное противостояние полностью отвечало интересам правительств Российской империи и английской метрополии. В этой связи сведения многих авторов о том, что английские власти всячески поддерживали лояльных вождей, щедро одаривая и вознаграждая их, выглядят вполне естественными и логичными. Такие сведения приводят многие известные историки XIX-XX веков: Э. Лабулэ, П. Г. Мижухев, К. Ф. Нейманн, Арчи Макникл, У. З. Фостер и другие.

Таким образом, действия представителей английской администрации во многом напоминали действия их далеких русских «коллег».

Но вместе с указанными общими причинами и условиями, вызвавшими начало конфликтов русской и английской метрополий с аборигенами, имелись и существенные особенности, зависящие от конкретных географических, природных, политических и других условий.

Так, в самом начале освоения заволжских территорий и позже башкирских земель, русское правительство не имело объективных сдерживающих факторов географического характера, поэтому приступило к нему более целенаправленно и массированно, нежели королевская Англия. В частности, Англии для преодоления океана необходимо было содержать сильный флот, требующий огромных затрат. Поэтому события по освоению Башкирии и Сибири, и, следовательно, их конфликтогенность, значительно опережали ход событий в североамериканских колониях. Это в первую очередь сказалось как на остроте первоначальных конфликтов, так и в ускорении времени их зарождения.

Но подобное «опережение» было возможным лишь до образования США, которые в освоении новых земель быстро превзошли все возможности Лондона и Москвы - через каких-нибудь 30 лет США добились тех результатов, к которым Россия в Башкирии и Сибири, Англия в Северной Америке шли более ста лет [Зинуров, 2001, с. 81-91]. При этом, как отмечает современный американский автор Роберт М. Атли, с первых же лет американское правительство стало проводить гораздо более активную «индейскую политику» нежели до него английское и французское колониальные правительства [Utley, 1997, p. 250-257].

Другой особенностью являлось отсутствие в североамериканских колониях единой централизованной власти (подобно царской администрации в Башкирии и Сибири). Между тем это объективно диктовалось ситуацией в североамериканских колониях, что впоследствии нашло свое объективное разрешение: в 1643 году, без санкции правительства метрополии, была образована федерация североамериканских колоний под названием «Соединенных колоний Новой Англии» (1643-1660). «Образование ее, - писал русский историк XIX века П. Г. Мижухев, - было вызвано необходимостью взаимной помощи при столкновениях колонистов с туземцами и французами. Она являлась сильнейшей политической силой на континенте» [Мижухев, 1900,

с. 25-26] .

Как важное обстоятельство для обоих рассматриваемых примеров отметим и следующее обстоятельство. Злоупотребления русской и английской администраций, хоть и были разной адресной направленности, в конечном счете, безусловно, влияли на степень уже образовавшейся к этому времени конфронтации как между переселенцами и аборигенами, так и между центром и населением этих территорий.

Не вдаваясь в другие подробности, заметим, что причин, приведших к зарождению острых социально-экономических конфликтов, и как следствие повлекших начало вооруженных столкновений в Башкирии и Северной Америке в XVII веке, разумеется, было гораздо больше, поэтому здесь были приведены на наш взгляд наиболее важные и решающие.

Список литературы:

1. Бабин А.В. История Северо-Американских Соединенных штатов. Т. I: 1607-1829. СПб.: Тренке и Фюсно, 1912. 493 с.
2. Брассер Т. Дж. К. Прибрежные алгонкины – народ первых рубежей // Североамериканские индейцы. М.: Прогресс, 1978. 494 с.
3. Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа.: Гилем, 2001. 536 с.
4. История США. В 4 томах/под ред. Севастьянова Г. Н. и др. Т. I: 1607-1877-М.: Наука, 1983. 687 с.
5. Конфликтология (курс лекций). Ставрополь: СКФУ, 2015. 176 с.
6. Лабулэ Э. История соединенных штатов. Первая эпоха: история колоний до революции. СПб.: Типография М. Хана. 1870. 362 с.
7. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Моск. ун-т, 1996. 682 с.
8. Материалы по истории БАССР/Отв. ред. А. Чулошников. М.: Изд. АН СССР, Ч.1. 1936. 631 с.
9. Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900. 30 с.
10. Нейманн К.Ф. История американских соединенных штатов. Т. I: От основания колоний до президентства Томаса Джефферсона-/СПб.: Издание О. И. Бакста. 1866. С. 161-527.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3, т. IV. М: Голос 1993. 768 с.
12. Три века колониальной Америки. О типах феодализма в западном полушарии. СПб: Изд-во СПб. университета. 1992. С.29-30.
13. Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки-/М: Изд-во: «Иностранная литература». 1953. 918 с.
14. Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. 74 с.
15. Хикерсон Гарольд. Племя чипева к северу от Великих озер: очерк социополитических перемен // Североамериканские индейцы-/М.: Прогресс. 1978. 495 с.
16. Хохлов А.С. Конфликтология. История, теория и практика. Самара, 2014. 312 с.
17. Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII веков // Материалы по истории БАССР. Ч. 1. М.-Л.: 1936, С. 23.
18. D'Arcy McNickle. Native American tribalism. Indian Survivals and Renewals. N.Y., 1973. 190 p.
19. Utley Robert M. Encyclopedia of the American West. @Wing books, 1997. P.28.
20. Vine Deloria Jr., Clifford M. Lyttle. American Justice. University of Texas Press. Austin, 1983. 262 p.

References:

1. Babin A.V. History of the North American United States. T.I: 1607-1829. Saint Petersburg: Trenke and Fyusno, 1912. 493 p.
2. Brassier TJK Coastal Algonquins - the people of the first frontiers // North American Indians. Moscow: Progress, 1978. 494 p.
3. Zinurov R.N. Bashkir uprisings and Indian wars are a phenomenon in world history. Ufa.: Gilem, 2001. 536 p.
4. History of the United States. In 4 volumes / ed. Sevastyanova G.N. et al. T. I: 1607-1877. M.: Nauka, 1983. 687 p.
5. Conflictology (course of lectures). Stavropol: SKFU, 2015. 176 p.
6. Laboulay E. History of the United States. The first era: the history of the colonies before the revolution. SPb.: Printing house of M. Khan. 1870. 362 p.
7. Lyubavsky M.K. Review of the history of Russian colonization. M.: Mosk. un-t, 1996. 682 p.
8. Materials on the history of the BASSR / Otv. ed. A. Chuloshnikov. Moscow: Ed. USSR Academy of Sciences, Part 1. 1936. 631 p.
9. Mizhnev P.G. History of the colonial empire and colonial policy of England. SPb.: Brockhaus and Efron, 1900. 30 p.
10. Neumann K.F. History of the United States of America. T. I: From the founding of the colonies to the presidency of Thomas Jefferson. SPb.: Edition of OI Bakst. 1866. pp. 161-527.
11. Soloviev S.M. History of Russia since ancient times. Book. 3, vol. IV. M.: Voice 1993. 768 p.
12. Three centuries of colonial America. On the types of feudalism in the Western Hemisphere. SPb.: Publishing house of SPb. University. 1992, pp.29-30.
13. Foster William Z. Essay on the political history of America- / M: Publishing house: "Foreign literature". 1953. 918 p.
14. Filonenko V. Bashkirs. Ufa, 1915. 74 p.
15. Hickerson Harold. The Chippewa tribe north of the Great Lakes: an outline of sociopolitical changes // North American Indians. M.: Progress. 1978, 495 p.
16. Khokhlov A.S. Conflictology. History, theory and practice. Samara, 2014. 312 p.
17. Chuloshnikov A.P. Feudal relations in Bashkiria and the Bashkir uprisings of the 17th - first half of the 18th centuries // Materials on the history of the BASSR. Part 1. M.-L.: 1936, p. 23.
18. D'Arcy McNickle. Native American tribalism. Indian Survivals and Renewals. N.Y., 1973. 190 p.
19. Utley Robert M. Encyclopedia of the American West. @Wing books, 1997. P.28.
20. Vine Deloria Jr., Clifford M. Lyttle. American Justice. University of Texas Press. Austin, 1983. 262 p.

Сведения об авторе:

Зинуров Рафаил Нариманович, доктор юридических наук, профессор, руководитель Представительства РАН в Республике Башкортостан, 450054, г. Уфа, Проспект Октября, 71, 8(347)-235-62-55; +7-987-106-57-05; E-mail: rafailzinuroff@yandex.ru

Author personal details:

Zinurov Rafail Narimanovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Representative Office of the Russian Academy of Sciences in the Republic of Bashkortostan, 450054, Ufa, Prospect Oktyabrya, 71, 8 (347) -235-62-55; + 7-987-106-57-05; E-mail: rafailzinuroff@yandex.ru

©Зиннуров Р. Н.